

Продвигаясь дальше, запах крови и гнили становился всё сильнее, а свет — всё тусклее. Даже факелы, горящие на стенах, не могли как следует осветить это место.

Е Тан дошёл до самого конца темницы, затем оглянулся.

Здесь не было ни одного заключённого, только пустые камеры.

Тем не менее, он не мог позволить себе расслабиться.

Убедившись, что за ним никто не следует, Е Тан нажал на скрытый механизм в стене.

Сразу же раздался щелчок, и стена медленно открылась, обнажив длинный туннель, ведущий вниз.

Е Тан шагнул внутрь, и стена за ним медленно закрылась, не оставив ни малейшего следа для посторонних глаз.

Туннель был украшен светящимися жемчужинами, которые ярко освещали ступени.

Е Тан спускался шаг за шагом, пока перед ним не открылось просторное пространство.

Перед ним выстроились ряды камер, большинство из которых уже были заполнены трупами, источающими зловоние разложения.

— Господин.

Два охранника, заметив Е Тана, почтительно поклонились.

Е Тан равнодушно кивнул и направился вперёд.

Один из охранников тут же последовал за ним, открыв одну из камер.

Внутри камеры находился огромный бассейн, наполненный зелёной жидкостью. Даже у входа чувствовался сильный запах трав.

В бассейне лежал человек, руки и ноги которого были скованы цепями. Он был вынужден лежать в этой жидкости, всё его тело было покрыто ранами, а лицо выражало крайнее измождение.

Е Тан медленно подошёл и сел рядом с ним, сняв плащ, обнажив своё холодное и прекрасное лицо. Уголки его губ слегка приподнялись, и он с лёгкой улыбкой посмотрел на человека:

— Евнух Чан.

Это был тот самый евнух Чан, который служил при покойном императоре. В глазах посторонних он должен был быть уже похоронен вместе с императором.

Евнух Чан тяжело дышал, с болью глядя на Е Тана:

— Е Линшуан... ты...

— Евнух Чан всё ещё не хочет рассказать мне, где находится то, что я ищу? — спокойно спросил Е Тан, но его выражение лица было ледяным.

Евнух Чан не смел смотреть ему в глаза, лишь отводил взгляд, не отвечая.

— Если евнух Чан скажет, я отпущу его к семье, разве это не хорошо?

Е Тан достал веер, висящий у него на поясе, медленно раскрыл его и, слегка улыбнувшись, продолжил.

— Ты чудовище!

Евнух Чан сквозь зубы прошипел:

— Покойный император ошибся, воспитав такого зверя!

— Смешно!

С резким звуком веер Е Тана ударил по лицу евнуха Чана, оставив на его щеке огромный отёк. Зубы евнуха даже слегка пошатнулись.

Евнух Чан сжался от боли, издавая хриплые стоны, но это не помогло облегчить страдания.

Е Тан уже медленно поднялся, глядя на него сверху вниз:

— Бесхарактерный император-неудачник, я и правда не вижу в нём ничего стоящего.

— Ты...

Евнух Чан с яростью смотрел на Е Тана.

Он служил покойному императору десятки лет и не мог терпеть, когда о нём говорили плохо, но сейчас он был бессилён что-либо сделать.

— Сколько ты собираешься тянуть время? У меня нет столько терпения, чтобы играть с тобой.

Е Тан опустил взгляд, спокойно глядя на него.

Евнух Чан лишь стиснул зубы, не произнося ни слова, и не собирался сдаваться.

Е Тан усмехнулся, переложил веер в левую руку, а правую опустил в бассейн, схватив руку евнуха Чана.

Прежде чем евнух Чан успел что-то понять, Е Тан резко дёрнул, и с хрустом кость в запястье сломалась.

Евнух Чан закричал от боли, его глаза налились кровью, а тело, погружённое в жидкость, судорожно дёргалось.

— Странно, это всего лишь сломанная рука, почему евнух Чан так реагирует?

С улыбкой спросил Е Тан.

Евнух Чан отчаянно сопротивлялся, с ужасом глядя на него:

— Сумасшедший... ты сумасшедший...

Е Тан слегка приподнял бровь, затем медленно сжал уже сломанное запястье и бросил руку

обратно в бассейн.

Как только рука коснулась зелёной жидкости, евнух Чан закричал в агонии, пытаясь поднять её, но Е Тан тут же прижал её обратно.

— Аааааа!

Евнух Чан широко раскрыл глаза, издавая долгий крик боли.

Его вопли долго разносились по холодной камере, создавая жуткую атмосферу.

В конце концов, евнух Чан, вероятно, выдохся и больше не мог сопротивляться, обмякнув в бассейне с пустым взглядом.

Е Тан равнодушно взглянул на него, затем снова схватил его запястье. Оно уже восстановилось, и кости снова срослись.

— Каждый день ломать кости, а затем заставлять их срастаться — это, должно быть, очень неприятно.

Е Тан бросил руку обратно в бассейн и сел на стул.

Затем он достал платок и медленно вытирал руки:

— Мой препарат — это то, о чём другие могут только мечтать. Евнух Чан, наслаждайся им.

Евнух Чан с ненавистью смотрел на Е Тана.

Если бы раньше кто-то сказал ему, что существует лекарство, способное исцелять сломанные кости, он бы лишь посмеялся.

Но теперь он увидел, на что способен этот человек.

Е Тан — тот, кто может вытащить человека из лап смерти. С восьми лет он изучал лекарства, способные восстанавливать сломанные кости.

И он действительно добился успеха.

Но теперь это лекарство использовалось как орудие пыток. Ломать кости и заставлять их срастаться — это было невыносимо больно, и он должен был переживать это каждый день, не имея возможности даже покончить с собой.

Неважно, что он делал, Е Тан всегда мог легко вернуть его к жизни... Он уже устал от этой жизни...

Каждый день ему ломали кости, а иногда Е Тан лично приходил, чтобы сместить кости и заставить их срастаться неправильно, а затем снова ломал их.

Иногда он был на грани, но он не мог предать покойного императора...

Спустя долгое время евнух Чан хрипло произнёс:

— Твои лекарства... вместо того чтобы лечить, ты используешь их для пыток... Е Линшуан, разве ты достоин быть врачом?

Е Тан улыбнулся, бросил платок и раскрыл веер, прикрывая им лицо.

— Мои дела не касаются евнуха Чана. Тех, кого можно вылечить, я лечу. Лучше подумай о своём положении.

Спокойно сказал Е Тан.

Евнух Чан отчаянно сопротивлялся, яростно глядя на Е Тана, но не произнёс ни слова.

Е Тан, глядя на его выражение, понял, что сегодня он ничего не добьётся. У него не было времени тратить его здесь.

Ему также не хотелось вытаскивать его для допроса, чтобы не испачкаться кровью.

Поэтому он медленно поднялся и снова накинул плащ:

— Ладно, сегодня я не хочу с тобой разговаривать. Лучше подумай сам.

Он остановился, повернулся и встретился с ним взглядом, слегка улыбнувшись:

— У евнуха Чана ведь есть мать и сестра в Цзяннани, верно?

— Ты... что ты задумал? Они невиновны!

Лицо евнуха Чана исказилось, и он закричал в отчаянии.

Е Тан спокойно улыбнулся:

— Не волнуйся, я не трогаю невинных. Но я слышал, что главарь бандитов в вашем городе очень заинтересован твоей сестрой.

Услышав это, евнух Чан начал отчаянно сопротивляться.

— Е Линшуан! Если ты позволишь этому бандиту осквернить мою сестру, я тебя не пощажу!

Е Тан спокойно смотрел на него:

— Просто подумай, стоит ли рассказывать мне, где находится то, что я ищу. Я не бесчувственный человек.

Сказав это, Е Тан развернулся и ушёл, не оглядываясь на евнуха Чана.

Хань Цзинь вернулся из дворца спустя два часа, когда уже стемнело.

Когда он вошёл в Императорский кабинет, от него пахло алкоголем, и Е Тан невольно сморщился.